12+

Дмитрий Иванов

Космические гонки. Через тернии к звёздам

Дмитрий Иванов

Космические гонки. Через тернии к звёздам

https://litres.ru/74761474
ISBN 9785007156790

Аннотация

Планета нищеты, где мечта не выживает. Напылитель Драйн Вейл гоняет в голове — пока не садится за штурвал «Осы», собранной из мусора и упрямства. Когда его талант замечает спонсор, ставящая против самой системы, у мальчишки из квартала Тридцать-Б появляется шанс: Отборный Кубок, десять звёздных систем и дорога к галактическому чемпионату.

Содержание

Космические гонки	5
Содержание	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Космические гонки. Через тернии к звёздам

Дмитрий Иванов

© Дмитрий Иванов, 2026

ISBN 978-5-0071-5679-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Космические гонки
Через тернии к звёздам
роман

✦ ✦ ✦

Часть серии «Космические гонки»

Содержание

Глава 1. Свинцовый город
Глава 2. Оса
Глава 3. Мусорное кольцо
Глава 4. Тетрадь Ники
Глава 5. Марго Тан
Глава 6. Кандидатура
Глава 7. Отборный Кубок
Глава 8. Кейн
Глава 9. Саботаж
Глава 10. Кладбище Пионеров
Глава 11. Цена победы
Глава 12. Десять
Глава 13. Гран-При
Глава 14. Шаг

Глава 1
Свинцовый город

Планета Талверр не была построена людьми — она была на них поставлена, как крышка на котёл. Небо над главным городом, который так и называли — Городом, — имело цвет старого цинка: ни рассветной позолоты, ни синевы, только равномерная, надоевшая до судорог серость, сквозь которую пыльные бури просвечивали рыжим. Под этим небом стояли домны рудоплавильного треста «Талверр-4», и день и ночь вгрызались в красную породу; от их дыма даже дождь пах железом.

Драйн Вейл просыпался до того, как завод менял смену, — в четыре часа по корабельному времени, потому что корабельное время было бесплатным, а местное стоило труда следить. Он жил на четвёртом этаже панельного блока в квартале Тридцать-Б, в комнате, где помещалась койка, стол и ящик с инструментами, и со всей этой комнатой у него были простые, выработанные годы отношения: он знал, на каком месте пружина койки отдаёт в поясницу, знал, где сквозит окно, и знал, что стол можно отмыть от рудной пыли, но к утру она осядет снова — таков был климат, такова была планета.

Родители у него умерли не разом, а по очереди, как отби-

рают людей на войне. Отец сгинул в глубинной выработке, когда Драйну было девять, — его не даже не привезли, прислали пакет с личными вещами и бумагу, в которой слово «компенсация» было написано самым крупным шрифтом. Мать протянула ещё семь лет на котельных: сначала голосом, потом кашлем, потом ничем. Нику, младшую сестру, Драйн вырастил сам — как умел: кормил, записывал в общую школу, ругал за то, что она читает по ночам при свете фонаря-светлячка, и втайне гордился тем, что она читает вообще.

Свою работу он делал быстро и без мыслей — в этом и состояла вся его хитрость против усталости. Двенадцать часов в смене напылителя, в защитном скафандре с заваренным внутрь лицом, на консервации старых буровых платформ. Работа пахла озоном, гарью и собственным потом; руки в перчатках двигались сами, а голова была свободна, и в этой свободе Драйн — единственное место во всём Талверре — гонял.

Он гонял мысленно. Это был не сон и не мечта — это была дисциплина, как у музыканта, который в трамвае шевелит пальцами. Он держал в голове карту Мусорного кольца — всего его четыреста километров щебня, льда и ржавых корпусов, — держал каждую бочку, каждый скользкий по траектории обломок, каждый коридор между гравитационными карманами. И пока напылитель ровно шипел в его руках, Драйн проходил этот коридор в уме, на пределе, вплотную

к развилке, экономя одну десятую, две десятых секунды на повороте, — и где-то там, за облаком пыли и за толщей скафандра, это было почти как лететь.

Соседи по смене говорили: «Вейл из головы выпадает». Бригадир говорил: «Вейл в голове живёт». Оба были правы и ни разу не спросили, куда именно он уезжает. Ему это было удобно. Мечта — это то, что в нищете нельзя показывать: её съедят, высмеют, а хуже всего — пожалеют. Драйн свою мечту держал так, как держат огонёк в ладонях на ветру: плотно и молча.

Вечером, после смены, он ел в столовой у тёти Мерги — суп, хлеб и сколько влезет чая — и слушал из динамиков сводку последних городских гонок, которые радиаторы ловили из эфира поверх пиратских станций. По этим сводкам весь Тридцать-Б узнавал, кто на Мусорном кольце на этой неделе заработал на призах больше всех, и по этому же эфиру Драйн узнавал, сколько стоит его собственная мечта: не в деньгах — в долях секунды, на которые он отставал от тех, кто мог позволить себе настоящие корабли.

Ему было двадцать четыре. Он не был ни красив, ни знаменит, ни богат. Он был быстрым — и то, что он был быстрым, знали ровно четыре сущности на планете: его механик, его сестра, его мёртвая мать и он сам.

До того, как это узнала вся галактика, оставалось четыре года.

Глава 2
Оса

Ангар Драйна занимал бывший каркасный цех на окраине Тридцать-Б, между автосвалкой и складом вторсырья. Арендодатель — старик с пальцами, потерявшими счёт собственным фамилиям, — брал с него три стелы в месяц и не задавал вопросов, потому что за пятнадцать лет понял: вопросов дороже.

Корабль стоял посреди цеха, на ремонтных домкратах, и имя ему было «Оса».

Это был не корабль в смысле каталога — это был корабль в смысле характера. За два десятка лет переборок, из которых Драйн помнил лет пять, «Оса» собралась из всего, что могло летать: корпус от спасательного глиссера списанной серии, крейсерский двигатель с дотации, которую Драйн выиграл в бочковой гонке три года назад, навигатор — с барахолки у Восточного шлюза, а посадочные штанги — от тех самых бочек, в которых когда-то привозили воду. Стыки были заварены грубо, швы — грубее, и оттого корабль был лёгкий, как кость птицы: ни обшивки-украшательства, ни брони, ни кресла, способного дрейфовать во сне, — ни всего, что делает корабль дорогим. Зато он отвечал ручке раньше, чем рука успевала решить.

«Осу» ставил его дед Пракс.

Пракс не был его родным дедом. Он был «дедом» всем мальчишкам квартала, которым умел чинить всё: от водяных насосов до генераторов, — и пил, в меру своих стылых возможностей, один вид выпивки: настой на рудной пыли, от которого у всех остальных отнимало речь, а у него оставляло только вкус и гордость. Когда-то, в эпоху, о которой на Талверре почти не вспоминали вслух, Пракс летал сам — на грузовых перегонах между полями астероидов, когда за корму ещё не платили, а за смелость — тоже. Его облётыли на мёртвом плече Мусорного кольца, и левую половину тела он с тех пор велел считать украшением.

— Корабль, — говорил он, обводя «Осу» рукой, как обводят дочь на смотринах, — это не железо. Корабль — это обещание. Ты обещаешь ему не издохнуть, а он обещает тебя донести. Всё. Другой системы ценностей я не знаю.

Драйн помнил, как впервые сел за штурвал. Ему было шестнадцать; Пракс привёл его в этот цех — тогда ещё пустой, — поставил перед макетом, собранным из обломков и приборной доски от списанного тягача, и сказал:

— Вот твоя жизнь, если не полетишь. — И потом указал на дверь, за которой тускло горела пыльная луна. — А вот твоя жизнь, если полетишь. Выбирай не сердцем, у тебя его нет — ты инженер. Выбирай головой.

Голова выбрала полёт.

С тех пор каждый вечер после смены Драйн приходил в

ангар и работал: перебирал, настраивал, записывал в журнале — у него была бухгалтерия скорости, холодная, без единого слова о мечте. Столбики: тяга в таких-то режимах, время на такой-то коридор, износ сопла, лимит топлива. Ника, когда приходила, занималась вторым столбиком — тем, в который он записывал, где «Оса» начинала качаться на входе в гравитационный карман и почему. Сестра рисовала в своей тетради — не текст, а схемы: узлы, траектории, стрелочки, объяснения. У неё был почерк инженера, которого никто не учил, — и Драйн однажды поймал себя на мысли, что из Ники выйдет лучший пилот, чем из него, если только планета когда-нибудь позволит девочке из квартала Тридцать-Б сесть за штурвал.

— Она врёт, — говорила Ника про «Осу», лёжа на животе под корпусом, — она кренится раньше, чем ты приказываешь. Это значит, что ей тесно в руке.

— Она не врёт, она старше тебя в четыре раза.

— Всё равно тесно. — Ника высовывалась из-под днища, с полным лицом в смазке. — Дай ей другую руку, и перестанешь замечать.

Он дал ей другую руку. Часть конструкции — тонкие гермо-линии, лёгкий каркас мачты, прижимы сопел — была её работой: тонкая женская рука, вошедшая туда, куда мужская не пролезала, и точность ребёнка, который не знает, что так не делают, потому и делает правильно.

К ночи, когда Дом гас за стальными ставнями, Драйн си-

дел в кабине — просто сидел, не включая борт. Приборы мёртвые, темнота настоящая. Он клал руки на штурвал и про себя — единственное место, где мечта могла жить открыто, — стартовал.

Не было ни команд, ни соперников, ни цены горючего. Была скорость. И был он.

Глава 3
Мусорное кольцо

Мусорное кольцо опоясывало Талверр на высоте сорока тысяч километров — кайма из того, что человечество на планете оставило и бросило: сломанные буры, распорки доков, кильватер старых спасательных шлюпок, куски скалы, вмёрзшие в лёд, и бочки с чем-то, о чём не спрашивали. Двадцать миллионов тонн ржавчины, летящих по орбите с достоинством аристократов. И ровно потому, что оно было никому не нужно, оно было идеально для гонок: призовых денег там никто не выделял, а значит, никто и не следил.

Гонки на Кольце устраивали так: в день выплаты, когда по всему Городу шуршали стелы, собиралось от тридцати до шестидесяти кораблей; взлетали по жребию с разных площадок; общий старт был «по кластеру», то есть в тот момент, когда стая старых спутников — их запускали с борта канала и они проходили над Кольцом раз в шесть часов, — вставала на хребет по прямой. Спускались в Кольцо, крушили по нему вниз, к внутреннему поясу, крушили обратно к верхней кромке — и кто первым вышел на свою стартовую площадку, тот и выиграл. Никаких кубков. Никаких транспарантов. Наличные за приз, если повезёт; дотация на ремонт, если повезёт меньше.

Это не было спортом. Это был рынок, на котором каждый месяц горело от восьми до двенадцати пилотов.

Драйн летал на Кольце с восемнадцати лет — не потому, что хотел славы, а потому, что хотел денег. Призовые с мелких заездов, где он выступал против гружёных бочек, складывались в ремонт; призовые с серьёзных заездов — в топливо; а когда однажды он взял второй приз на большой дистанции через весь внутренний пояс, он впервые за жизнь положил деньги в банк не на ремонт — на будущее. Он не знал, на какое. Он просто начал его откладывать.

Гонка, с которой всё началось, была в апреле, в буранном месяце, когда даже орбита Талверра, казалось, простывала. Сорок три корабля. Три старых ветерана, одиннадцать ремесленников, один гружёный барон по кличке Крест — на утяжелённом перегонщике с бортовым орудием, что уже было против правил, но правила на Кольце не стояли и двух гравитационных карманов. И Драйн — на «Осе», в её драном гермо-каркасе, с Никиными тонкими линиями на соплах и дедовым запасом терпения в кладовке.

Радио, прижатое к уху, шипело выкриками спонсоров, дураков и дальних друзей. Он не слушал. Он смотрел на хвост стаи старых спутников, которая шла на него сверху с наклоном в две десятых — точно так, как должна была пойти.

— Пошёл на снос, — сказал он в эфир, и это было не приказом — привычкой.

Старт по кластеру не давал разгона — он давал окно: пол-

торы секунды, в течение которых вся стая закрывала обзор, и надо было войти в Кольцо так, чтобы тебя не видели ни радары, ни глаза. «Оса» вошла в это окно, как в родной дом. Драйн смял ручку до отказа, прошёл между двумя ржавыми бочками так, что по бортам просвистело, — и не услышал, как ахнул эфир. Он не слушал эфир: он слушал корабль.

Первый пояс прошёл под стаю: по краю гравитационного кармана, где корабль соскальзывает, как по лезвию, — трюк, который на Кольце умели делать двое, и один из них умер в прошлом году. Драйн прошёл. Второй пояс прошёл против ветра — против потока обломков, у которого не было ни направления, ни жалости: он выстроил в уме траекторию на сорок секунд вперёд и прошёл её, как по нотам, так, что «Оса» ни разу не задрожала.

Крест догнал его у середины дистанции — на гружёном перегонщике, с орудием, на радарах которого Драйн был только вспышкой среди мусора. Тот не стрелял — стрелять в шести очевидцах было дорого. Он сделал лучше: он встал на снос, выставив перед собой полосу бочек на такой высоте, где «Осе» оставалось два выбора — назад или в разлом, из которого выходил только по прямой, а по прямой там было встречное течение.

Драйн выбрал третье.

Он снизил тягу до нуля, в пустоте, где даже инерция умолкает, — и «Оса» повисла в пространстве неподвижно, как запятая в строке. Крест пронёсся над ней на высоте двадцати

метров, задев нижним соплом каркас, — и это было ошибкой: он подрезал Драйна так близко, что срез задел его же собственный борт, и на три секунды перегонщик потерял стабилизацию. Три секунды — это целая жизнь в коридоре, где корабль идёт со скоростью пули.

Драйн вышел из повисания раньше, чем Крест справился со своим бортовым огнём. Он прошёл по кромке разлома — полосу, которую все объезжали, потому что там не было травления, — и потом ещё тридцать километров летел, не дыша.

Призовые были смехотворные. Дотация на ремонт — собранная с нескольких бедных, потому что никто не верил в исход. Но когда «Оса» вернулась на площадку — хромая, обожжённая, с пробоиной в левом гермо-линии, которую Ника потом заклеивала неделю, — из эфира над Кольцом его имя не выкрикивалось с грохотом. Его имя просто повторялось, снова и снова, вполголоса, как повторяют слово, смысл которого ещё не дошёл.

Драйн сидел в кабине, положил лоб на штурвал и смеялся.

Это была первая ночь, когда он позволил себе мечту вслух — не в уме, а вслух, в пустом ангаре, где никто не слышал.

Глава 4
Тетрадь Ники

У Ники была тетрадь — серая, от воды и времени пополам, с обложкой, на которой она в двенадцать лет нарисовала звезду, а в пятнадцати зачеркнула звезду и нарисовала вместо неё траекторию. Тетрадь она никому не показывала, кроме брата и деда Пракса, и держала её в специальной сумке с двумя запорами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.